

Особенности формирования населения Поонежья в начале XVIII в.

FEATURES OF FORMATION OF POPULATION POONEZHAYA IN THE EARLY XVIII CENTURY

A.I. Pobezhimov

This article describes the history of the population of one of the regions of Pomerania – Poonezhye, located in the western part of the Arkhangelsk region, Onega basin. At the beginning of the XVIII century middle and lower parts of the Onega River area were Turchasovsky camp, part of the Kargopol County. The peculiarities of the population which were largely dependent on socio-economic and political conditions in the country of the beginning of the XVIII century are determined. The main feature was the increased migration.

Keywords: Poonezhye, Turchasovsky camp, the history of the population, peculiarities of the population formation, migration

Побежимов Андрей Иванович
Соискатель кафедры
отечественной истории ПетрГУ

Аннотация:

Статья посвящена истории населения одного из районов Поморья – Поонежья, расположенного в западной части Архангельской области, в бассейне реки Онеги. В начале XVIII в. средняя и нижняя части реки Онеги составляли территорию Турчасовского стана, входившего в состав Каргопольского уезда. Определяются особенности формирования населения, их зависимость от социально-экономических и политических условий в стране начала XVIII в. Главной особенностью было усиление миграционных процессов.

Ключевые слова:

Поонежье, Турчасовский стан, история населения, особенности формирования населения, миграционные процессы.

Формирование населения северного региона – это сложный процесс количественного роста, изменений структуры и размещения населения, в ходе которого проявлялось взаимное влияние коренного и пришлого населения. В предполагаемой статье обращено внимание на особенности формирования населения локального района под собирательным названием Поонежье, который расположен в западной части Архангельской области в бассейне реки Онега. В начале XVIII в. эта территория входила в состав Каргопольского уезда. Уезд, в свою очередь, делился на станы: Каргопольский, Мехреньгской, Усть-Мошский и Турчасовский, последний состоял из двух частей: Верхний конец – Юг и Нижний конец – Север. Историю населения Турчасовского стана можно проследить по переписям начала XVIII в.

В начале XVIII в. земельные владения Турчасовского стана делились на две категории: черносошные и церковные (земли монастырей и церковных храмов). Преобладало черносошное крестьянское землевладение. В это время стало наблюдаться сильное сокращение монастырских владений. Такие крупные монастыри, как Соловецкий, Кожеозерский, Кирилло-Белозерский оставили значительную часть своих земель в Турчасовском стане [2; 550–832]. Одной из причин был упадок соледобывающего производства в вотчинах монастырей, начавшийся во второй половине XVII в. В монастырских челобитных упоминается причина – запустение и разрушение варниц, "скудностью хлебной и всяких припасов и дальности дров". Активная вырубка лесов "в дрова" привела к их исчезновению, а новые леса "вновь не растут, потому что страна студёная и каменистая" [9; 124]. Уже в конце XVII в. в Верхнем конце Турчасовского стана остановились

Владыченское, Фирсовское и Пияльское усолья. Польское усолье – в начале XVIII в. [9; 132–133].

Кроме экономических, были причины политического характера, сильно изменившие положение Соловецкого монастыря в этом регионе. Во второй половине XVII в. при патриархе Никоне Соловецкий монастырь был объявлен политически неблагонадёжным. Опальный монастырь лишился большинства своих владений.

Динамика структуры землевладения привела к изменению и развитию типов поселений Верхнего конца Турчасовского стана в начале XVIII в. В переписи отмечены деревни, погосты, починки, посад и сельцо. Основным типом поселения была деревня. Погосты представляли собой небольшие поселения с 1–2 дворами церковнослужащих. Прилуцкий и Турчасовский сохранили положение самых крупных в Турчасовском стане погостов. В Прилуцком погосте насчитывалось 7 дворов и 2 "бездворные избы". В Турчасовском погосте – 5 дворов и 9 "бездворных изб". Заметно вырос погост в Полской волости. В погосте отмечено 4 двора [2; 807, 812, 541–843]. В переписи упоминается такой тип поселения, как сельцо (сельцо – владельческое селение, разновидность села) [7; 69]. Единственное в Верхнем конце Турчасовского стана сельцо Клецепольское в Клецепольской волости своим возникновением обязано Кожеозерскому монастырю. Оно образовалось незадолго до переписи 1712 г. на месте бывшей деревни. В переписи говорится, что "в 1709 г. то село писано деревней Никоновской". В сельце находился монастырский двор, где жили работники Кожеозерского монастыря. В начале XVIII в. незаметно появились новые поселения. Единственный починок (вновь воз-

никшее поселение) числится рядом с д. Курсановской Полской волости. На починке находился двор старца Симеона, "что был работником Соловецкого монастыря" [2; 630.834–835].

В Турчасовском стане начала XVIII в. наблюдались процессы, аналогичные тем, что происходили в большинстве уездов Поморья. К началу XVIII в., пишет И.В. Власова, колонизация Поморья была завершена. Заселение территории идёт по линии укрупнения старых поселений. [6; 110].

К началу XVIII в. сократилось число поселений в большинстве волостей Турчасовского стана. В волости Ордомский погост – на 28%. В Городецкой – на 28%. В Тевзегорской – на 17%. В Прилуцкой – на 17%. При этом наблюдается дальнейшее увеличение дворности деревень. Более половины поселений в Турчасовском стане насчитывали свыше 5 дворов. Можно встретить деревни с 11–15–16 дворами. Кроме дворов в переписи перечисляются "избы" или "избы бездворные". Под "избой" и "избой бездворной" подразумевалось жилое зимнее помещение без хозяйственных построек. В основном "избы" находились при крупных погостах Прилуцком и Турчасовском. В них жили "нищие вдовы", "старицы", "черницы", "нищие девки". В переписи "избы" так и называются "избы жилые нищенские" [2; 541–543; 573–590; 600]. Наблюдается тенденция – увеличение дворности происходит в тех волостях, где монастырские владения были незначительны и отсутствовали усолья. В волости Прилуцкая численность дворов возросла на 17%, в волости Фехталиимской – на 80%, в волости Кутовангская – в 2.5 раза. Напротив, в бывших монастырских вотчинах в волостях: Ордомский погост, Полская, Чюхчин Бор заметно сокращение дворов. В волости Ордомский погост – на 4%. В волости Полская – на 10%. В волости Чюхчин Бор – на 14%. Вместе с монастырями часть жителей покидала монастырские вотчины. Главным образом это были монастырские служащие и люди, работающие на соляных приисках: бобыли и вольнонаемные работники. С прекращением жизни усолья они уходили "скитаться" в поисках заработка в другие волости Турчасовского стана или за его пределы. Покидало деревни и часть крестьянского населения. Возможно, благодаря развитию в монастырских вотчинах

соледобывающего производства, крестьяне стали охотнее заниматься промыслами, чем земледелием. Показателем служит многодворность некоторых поселений, расположенных на территории бывших усольев. Объясняется это промысловой деятельностью населения и преобладанием непашенных дворов [5; 39–46]. В д. Олеховская волости Ордомский погост насчитывалось 15 дворов, в д. Савинская и Усолье Полской волости – 10 и 13 дворов. При описании бывшей вотчины Соловецкого монастыря волости Ордомский погост нередко можно встретить указания такого рода "скитался по разным городам" или "умер на работе в городе" [2; 654–672]. Из этого следует, что в Турчасовском стане в начале XVIII в. происходит зарождение отходничества. Крестьяне уходили на заработки в большие города, где работали, как правило, на строительстве.

Развитие отхожих промыслов приводит к тому, что они становятся основным источником дохода населения Турчасовского стана. В середине XIX в. им занималась половина возрастных крестьян Онежского уезда [8; 178–229].

К началу XVIII в. коренных перемен в занятиях населения Турчасовского стана не происходит. Главным оставалось земледелие. Данные переписи свидетельствуют о развитии скотоводства, особенно в монастырских владениях. Разводили крупный рогатый скот и лошадей. При описании монастырских хозяйств часто называются "дворы скоцкие" и "дворы конюшенные" [2; 654–672].

Промыслы были составной частью крестьянского хозяйства. В Турчасовском стане продолжали существовать традиционные промыслы: охота, рыболовство, солеварение. В это время получил развитие ещё один вид отхожего промысла, связанный с уходом мужского взрослого населения на "Мурманский берег" для "рыбного промысла". В переписи фиксируется 20 случаев ухода крестьян из разных волостей Верхнего конца Турчасовского на "Мурманский берег" [2; 543, 583–584, 832; 542–803].

Сложная структура землевладения определила неоднородность состава сельского населения Турчасовского стана. Переписи отмечают черносошных крестьян, по-

садских людей, половников, бобылей, работников по найму, монастырских служебников, нищих, вдов, подсоседников. К началу XVIII в. меняется количественное соотношение отдельных групп населения Турчасовского стана. Около 90% населения составляли черносошные крестьяне [4; 131–133]. Сокращение церковных земельных владений и упадок соледобывающего производства, где в основном использовался труд половников, бобылей и наёмных людей, привело к уменьшению этих категорий населения. Половники стали чаще находить работодателей среди посадских людей. Во дворах жителей посада работало 11 половников. В переписи есть сведения о бобылях. В волостях Верхнего конца Турчасовского стана насчитывалось 6 бобылей. Преимущественно они трудились на землях монастырей Соловецкого и Крестного [2; 542–803]. В церковных и посадских владениях можно встретить большое количество наёмных "работников" и монастырских "служебников". У посадских людей насчитывалось 6 "работников" [2; 600, 630, 633, 835–836]. Основная часть "работников" жила в вотчинах монастырей. Можно сказать, что монастырское хозяйство держалось на труде монахов и наёмных работников. Напротив, посадские люди охотнее использовали труд половников.

Переписчики старались отмечать любые перемещения населения. Поэтому довольно легко определить местным или пришлым был человек, из какой волости, стана или уезда он прибыл. Половниками становились в основном выходцы из местной среды [2; 610, 596, 598]. В переписи практически нет информации о происхождении бобылей. Только в одном случае есть указание, что бобыль Иван Афанасьев из д. Павловская Прилуцкой волости был племянником Петра Кононова из той же деревни [2; 544]. Вероятно, бобыли так же, как и половники, в основном формировались из местных крестьян. На церковных погостах и в монастырских хозяйствах наблюдается несколько иная картина. Сюда приходил народ из разных волостей Турчасовского стана и Каргопольского уезда. В их числе были временные наёмные работники. В этом случае переписчики иногда не считали нужным записывать их имена. Во дворах Кожеозерского монастыря "конюшенном" да "скотцкой" работали "наёмные скотники Каргопольского и Турчасовского уездов разных волостей pogodно из найму, а кого имени не написано".

В монастырях всегда присутствовал постоянный состав "работников", имена и местожительство которых тщательным образом фиксировались. Среди "работников" Кожеозерского монастыря называются Андрей Анисимов – из волости Пияла, крестьянин Ефим Сидоров – из волости Гордецкой, коровница вдова Евпраксия Ефимова, крестьянин Силуян Агиев, коровница вдова Матрона Терентьева – из Кutowангской волости, служебник Яков Клетов – из Кяндской волости, коровница Пелагея – из Мехреньгского стана. В вотчине Соловецкого монастыря в д. Усолье Полской волости жили работники: во дворе "конюшенном" Иван Иванов, во дворе "скотцком" скотница вдова Ефимия жена Алексеева "из Владыченской волости" с сыном Михайло и с женой "из Олонецкого уезда Заонежской волости" [2; 823–835]. Церковные храмы служили пристанищем для обездоленных людей. Они собирались около крупных погостов, таких как Прилуцкий и Турчасовский, живя подавляющими и работая в церковном хозяйстве. Эта категория населения, состоящая из нищих и вдов, преимущественно формировалась из коренного населения, но среди них были выходцы из других районов Каргопольского уезда и Карелии. При Турчасовском погосте числились нищий Потап Васильев из Чекуевской волости, нищий турчасовец Андрей Яковлев, нищая вдова турчасовка из Пертемы Катерина Анисимова Богданова жена, вдова турчасовка Евлампия Исакова жена Блинова, вдова нищая Устьмошанка деревни Горки Марья Никифорова жена Пуминова, нищая девка "нюхчанка", нищая вдова Марья Феоктистова жена Архипова из Мондинской волости [2; 574, 578, 836].

В переписи встречаются сведения о подсоседниках. Подсоседником считался крестьянин, принятый в чужой двор на жительство [11; 107]. Они составляли довольно значительную часть крестьянского населения Турчасовского стана. Кем являлись подсоседники – пришлыми или местными? Прямо об этом не говорится, но по отдельным указаниям можно понять, что они были выходцами из местного населения. В большинстве случаев подсоседники приходились родственниками владельцев дворов

Приводится один случай, когда подсоседником был пришлый из другого уезда крестьянин. В д. Петровская Прилуцкой волости у Никифора Леонтьева жил пососед-

ник Леонтий Иванов с сестрой, вдовой "нищенкой карелянкой Игнатъевой дочерью Алексеевскою женой" [2; 546].

Посадское население Турчасовского стана жило в посаде Турчасове. В начале XVIII в. наблюдается сильный отток посадского населения в волости. Люди всё чаще покидали посад и селились в деревнях. В некоторых случаях уход людей из посада был связан с сильным пожаром 1703 г., в результате многие дворы "погорели". Были и другие, более серьёзные причины. С конца XVII в. центр торговли в Поморье перемещается в Архангельск. Несмотря на то, что к началу XVIII в. в Турчасовском посаде наблюдается увеличение дворности (в сравнении с 1648 г. количество дворов выросло в полтора раза), посад постепенно начинает пустеть. В 1712 г. численность населения посада сократилась в два раза, и составила 137 человек.

Выше отмечалось, что население посада Турчасово формировалось из жителей окружных волостей. Представители посадских семей: Шарков, Патрикеев, Талицкий, Неклюдов, Манаков, Басин, Ершев, Уловский, Шайтанов, Козин, Блинов, Кукшин, Романов, Васильев, Олонин, Каменев, Шангин, Скорняков, Кобышкин, Константинов, Серебренников жили в разных волостях Турчасовского стана (Городецкой, Околопосадной, Нёрмушской, Тевзегорской, Ордомский погост, Прилуцкой, Фехталимской, Чекуевской) [2; 589–600]. Выходцы из волостей (преимущественно Верхнего конца Турчасовского стана) составляли основной костяк коренного населения, история которого исчислялась не одним столетием. Подтверждением служит наличие значительной части этих "фамилий" в платёжных документах середины XVI в. (Басса, Шарко, Талицкий, Каменев, Кукшин, Васильев, Константинов, Романов, Колзеев, Манукин, Ершев, Патрикеев, Сокольников, Скорняк, Блинов, Шангин) [1; 68–206, 118, 198, 126, 181, 246, 223, 207, 101, 65, 161, 244, 208], [3; 589–600].

Период конца XVII – первой четверти XVIII в. был очень тяжёлым для северной деревни. В России наступает петровское время. Происходят массовые наборы в армию и флот, на строительство Петербурга, усиливается налоговый гнёт. Наблюдается сильная убыль населения, показателем которой является возрастание пустых дворов. Из 496 дворов в 12 волостях Верхнего конца Турчасовского стана и посада Турчасова – 319 были "в пустее". Пустели не только дворы, но и поселения. В волости Ордомский погост из 15 деревень опустело 5, в волости Чюхчин Бор из 7 деревень – 4.

Перепись 1712 г. делит всё выбывшее население на несколько групп: скитающиеся, бежавшие в другие уезды, взятые в рекруты, на государственные работы и умершие. Значительная часть крестьян покидала свои деревни и уходила "скитаться". По подсчётам из 12 волостей Турчасовского стана и посада Турчасова ушло 574

человека. Часто население покидало насиженные места и уходило в другие уезды. Число ушедших в разные районы государства составило 48 человека. В начале XVIII в. преобладало Сибирское, Холмогорское и Поморское направление. В основном отправлялись в "Сибирские города" – 19 человека, в Холмогоры, Архангельск – 12 человек, в "Поморские волости" – 11 человек. Перечисляются и другие места "ухода", в "Важский край" – 4 человека, на "Малую Двину" – 2 человек [2; 583–584, 800]. Убыль населения Турчасовского стана во многом была связана с рекрутским набором и привлечением крестьян на государственные работы в Санкт-Петербург, на Олонецкие верфи, в Повенец, на строительство крепости в Шлиссельбурге. Из 12 волостей Турчасовского стана и посада Турчасово забрали 148 человек. Данные переписи свидетельствуют, что большая часть взятых на государственные работы крестьян умирала. Например, в посаде Турчасово из 13 привлечённых умерло 13 человек [2; 583–599]. Высока была смертность населения. С начала века до 1712 г. умерло 242 человека. В результате население 12 волостей Турчасовского стана и посада Турчасова к 1712 г. убыло на 1008 человека.

Помимо миграций за пределы территории Турчасовского стана и Каргопольского уезда, существовало движение населения внутри стана. Нередко крестьяне оставляли свои дворы и переходили жить к родственникам в соседние деревни и волости [2; 625, 628, 605, 672]. В 12 волостях Турчасовского стана и посаде Турчасове насчитывалось 28 случаев перехода крестьян во дворы своих родственников. Такая ситуация была не случайна и в первую очередь объяснялась нуждой переселенцев. В переписи часто указывается причина подобных миграций. Сын Якова Мартынова Максим из д. Ивановской Прилуцкой волости "перешёл жить за скудностью" к дяде Никите Мартынову [2; 542].

Кроме информации об убывшем населении, в переписи есть сведения о людях, прибывших из других районов Поморья. На фоне сильного оттока населения картина прибытия людей в волости Верхнего конца Турчасовского стана выглядит более чем скромно. Выше отмечалось, что пришлыми из других мест были в основном люди, зависимые от монастырей: нищие, монастырские служебники, наёмные работники. Также говорилось о непостоянстве этой категории населения. В источнике встречается только несколько случаев подселения пришлых в местную крестьянскую среду, преимущественно благодаря брачным связям. В д. Фофановская Кутовангской волости упоминается "пришлый из Олонецкого уезда Юаний Дьяков". Он женился на местной жительнице деревни Анне Клементьевой. Михайло из д. Курсановской Полской волости был женат на уроженке "Олонецкого уезда Заонежской волости". В волости Чюхчин Бор находился "двор крестьянина Соловецкого монастыря. Кушевецкой волости Емельяна Михайлова" [2; 550, 554–560, 836, 825].

Таким образом, благодаря переписям начала XVIII в.

удается получить довольно обширный круг сведений относительно истории населения Верхнего конца Турчасовского стана. Данные переписей также позволяют выделить ряд особенностей формирования населения этого района Поонежья. Процесс формирования населения во многом зависел от изменений структуры землевладения и хозяйства. В связи с сокращением доли монастырских земельных владений и упадка соледобывающей отрасли хозяйства, уменьшается количество некоторых категорий населения: половников и бобылей. Прекращение деятельности усадеб на территории монастырских вотчин стимулировало развитие отходничества (уход на работу в города, рыбный промысел на Мурманском берегу и работу на Малой Двине). Турчасовский посад теряет значение ключевого звена в торговле солью, что приводит к оттоку посадского населения в волости Турчасовского стана и за его пределы.

К XVIII в. завершается колонизация Поморья. Аналогичные процессы происходят на территории Турчасовского стана. Основной показатель – отсутствие новых по-

селений. Заселение идёт по линии сокращения числа и укрупнения старых поселений. Значительно увеличивается дворность деревень. Признаком окончания колонизации можно считать снижение притока населения извне. Такие категории населения, как посадские люди, половники, бобыли, подсоседники и большая часть наёмных работников формировались из крестьян волостей Турчасовского стана. Переписи фиксируют всего несколько случаев прихода людей из других уездов Поморья.

Главной особенностью формирования населения Верхнего конца Турчасовского стана является усиление миграционных процессов. Причины роста внешней и внутренней миграции были связаны в первую очередь с ухудшением экономического положения крестьянства, вызванного последствиями петровских преобразований (рекрутский набор, привлечение на государственные работы, налоговый гнёт). Результатом миграции была значительная убыль населения, запустение огромного количества дворов и целых деревень.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Мурманские рыбные промыслы имели давнюю историю. В XIV–XV вв. Мурманский берег с рыбными угодьями принадлежал лопарям, пришлым карелам и русским. Результатом колонизации края Новгородом и Московским государством явилось строительство здесь Кольского острога, впоследствии ставшего важным торговым центром страны. По царскому указу 1585 г. в Коле разрешалось торговать исключительно треской, палтусом, китовым жиром. Торговля другими предметами была перенесена в новый город Архангельск на том основании, что Кола – "место убогое". Однако такое ограничение не ослабило промышленного и торгового значения Мурманского берега и Колы. Мурманский берег всегда был зоной пристального внимания Соловецкого монастыря. Постепенно монастырь приобретает большинство рыбных угодий, и становится монопольным владельцем Мурманских промыслов; Тищенко А. Из истории Колы и Печенги в XVI ст. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1913 г. июль. С. 76–107.

* Малая Двина образуется при слиянии Рек Сухоны и Юга в 4 км от Великого Устюга. По Сухоне и Малой Двине проходил важный торговый путь из Холмогор в Вологду. Перевозилась, в основном, соль. Сопровождение соляных караванов требовало большого количества рабочей силы. Труд "водных работников" был очень тяжёлым и опасным. Иногда людям приходилось по целому дню в одной рубахе стоять в холодной воде, по которой идёт лёд. Многие умирали. Если принять во внимание низкую оплату за их труд, можно допустить, что работники формировались из полностью обнищавших крестьян; Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. С. 143.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVII вв. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571/АН СССР, Ин-т истории СССР, Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 271 с.
2. Каргопольский уезд. 1712. Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян Устьмошского, Мошинского, Турчасовского станов Каргопольского уезда. РГДА, Ф. 350, оп.1, ед.хр. 168. Л. 1–887.
3. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 370–471.
4. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. // Чтения при Московском университете. 1910. кн. I. М., 1909. I–VIII. С. 1–321
5. Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI века Л., 1978. С. 39–46.
6. Власова И.В. Материалы переписи населения XVIII–1 четв. XX вв. как источник для изучения сельского расселения // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 109–122.
7. Власова И.В. Сельские поселения в центральных районах русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2004. С. 37–92.
8. Онежский уезд // Архангельские губернские ведомости. 1852. № 23. С. 178–229.
9. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений). Пермь, Изд. О-ва ист., философ, и социальных наук при Перм. ун-те, 1927, 280 с. с табл.
10. Тищенко А. Из истории Колы и Печенги в XVI ст. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1913 г. июль. С. 76–107.
11. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, Издательство ПетрГУ. 1998. 166 с.